Успокой меня

Автор:
Стелла Грей

Успокой меня

Стелла Грей

Любовь на ладони

Свежий воздух, живописная природа и шикарный мужчина в ковбойской шляпе на фоне заходящего солнца. О чем еще можно мечтать? Гарантирую, не об этом.

Все потому, что в программе защиты свидетелей решили – самым лучшим выходом будет засунуть меня на богом забытую ферму в качестве гувернантки для восьмилетнего ребенка.

Вот только ребенку совсем не восемь лет, а мой наниматель порвет за свою милую Хлою любого, даже если это ее незадачливая няня.

Стелла Грей

Успокой меня

© Stella Grey, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Пролог

– Тони, там эта приехала… из города. Сиделка.

– Гувернантка, – поправил я Диего, выходя из денника, в котором менял подстилку лошадям. – Сиделки нужны старикам. Где она?

– На веранде ждет. – Старик потер нос и на миг преградил путь рукой. – Только это… она не совсем такая, как ты думал. Вернее, совсем не такая.

– Что ты имеешь в виду? – Я нехотя остановился.

– Ну, ты хотел пожилую леди с опытом…

– И?

– Эта молодая совсем. Каблучищи – во… – Диего, мексиканец старой закалки, который всю свою жизнь провел на ферме, вытянул руки вперед, оставляя между ними промежуток размером с мою ладонь, и покачал головой: – И собака с ней странная.

– Какая собака? – совсем потерялся я. – Гувернантка приехала с животным?

– Ну как – с животным? Дрожит что-то мелкое, уши торчат огромные, тявкает иногда злобно так.

– Ты о собаке сейчас? Или о хозяйке?

– Не, хозяйка что надо. Говорю же, каблучищи – во! – На этот раз он почему-то обрисовал пышную грудь. – И глаза красивые. Только здесь чего она забыла – непонятно.

– Сейчас разберемся, кого там принесло с большими ушами, – ответил я, следуя к выходу из конюшни.

Солнце припекало нещадно, угрожая скорой засухой. Скорее бы пошел обещанный синоптиками дождь. Прихватив с гвоздя на стене шляпу с полями, нацепил на голову и вышел на улицу, вдыхая сухой горячий воздух.

И тут же закашлялся, подавившись. Слишком уж неожиданным было увиденное.

Она стояла футах в десяти, громко ругаясь и протирая влажной салфеткой собственный каблук. Вот тако-о-ого размера! Диего не соврал.

В последний раз я видел нечто подобное, когда случайно зацепил по телевизору показ конкурса «Мисс Америка». Но здесь, на ферме в Канзасе, где ближайший город в сорока милях, а рейсовый автобус – раз в неделю, увидеть подобное я не ожидал.

– Дерьмо! – тем временем вещала претендентка в гувернантки, старательно оттирая нечто коричневое от своих туфель. – Что за дыра?!

– Ваф!!! – визгливо вторила ей собачка, трясясь всем телом.

– Дерьмо и есть, – тихо проговорил Диего, выглядывая из-за моего плеча. – Говорю ж, обувь у нее того…

– Неподходящая, – согласился я, складывая руки на груди.

И сама девушка тоже неподходящая!

Глава 1

Элеонора Ридли

Самолет заходил на посадку, а я смотрела в иллюминатор и не верила своим глазам. После ярких огней Нью-Йорка город казался невзрачным. Я любила жизнь, любила движение и ненавидела застой. И вот меня послали сюда, в Уичито, городок на триста пятьдесят тысяч душ.

Наверняка это кто-то из программы защиты свидетелей мстил мне за последний инцидент. Зная, насколько испортился мой и без того несладкий характер после бесконечных переездов и пряток, они решили засунуть меня подальше ото всех, в самую глушь. Чтобы уж наверняка не вызвала больше никаких проблем.

Самолет выпустил шасси и плавно коснулся посадочной полосы, после чего поехал дальше. Люди вокруг начали переговариваться, радуясь благополучному приземлению, а я с постной миной поднялась, чтобы достать ручную кладь с полки.

– Прошу вас вернуться на место, – тут же разволновалась стюардесса, пристально следившая за порядком. – Как только самолет остановится…

– Да-да, – отмахнулась я, достав рюкзак и вернувшись на свое кресло. – Понятно.

Девушку перекосило, но она постаралась модернизировать это в приветливую улыбку. Талант! Мне бы ее терпение…

Наконец, спустя еще пару минут, нам разрешили выходить.

Толпа последовала на выход, переговариваясь и двигаясь, словно черепахи. Прямо передо мной шла мама с маленьким ребенком. Тот сидел у нее на руках и смотрел на меня через плечо, показывая язык. Милота, но только со стороны. Сама я детей боялась до ужаса: никогда не знаешь, чего от них ожидать. С виду милый комочек, улыбается беззубо, тянет ручки, а в следующий миг…

Сглазила. Внезапно чихнув, малыш ни с того ни с сего зашелся в крике. Его мать заулюлюкала, остановилась, перекрыв проход, и начала успокаивать свое детище, поглаживая по спине.

Мне стало некомфортно, словно я сама причастна к плачу ребенка. Как-то помочь словом или тем более делом тоже не могла – у меня не было совсем никакого опыта общения с маленькими человечками. Я их избегала из-за того самого страха случайно, по незнанию, причинить вред.

Прошло уже секунд двадцать, девушка не сходила с места.

– Извините, может, вы пройдете вперед или просто присядете? – нервно предложила я, желая поскорее сбежать отсюда и забыть о неприятном инциденте. – Я бы хотела наконец выйти из самолета.

– Ох, простите, сейчас мы отойдем… Да, мой хороший? Да, мой сладкий? Ах ты мой милый…

Тут мне стало совсем нехорошо. Дело в том, что я сирота. Своих настоящих родителей никогда не знала, сменила за жизнь четыре семьи, так нигде и не пригодившись, и совсем разучилась воспринимать ласку. Она казалась мне приторно-сладкой и вызывала приступы неловкости.

– Мэм, пожалуйста… – тихо проговорила я, наблюдая, как та продолжает тискать своего карапуза и уже явно забыла, что здесь не одна. Пришлось добавить тверже: – Женщина…

– Вот именно! – вдруг негодующе отозвалась та. – А вы как будто не женщина! Неужели не понимаете, что мне нужно успокоить ребенка?!

– Что там? – к мамаше подошла другая дама, ушедшая до этого вперед.

– Генри плачет. Похоже, кто-то сильно его напугал! – пожаловалась та, что преградила мне дорогу, многозначительно косясь в мою сторону.

Ну вот, началось…

– И не стыдно?! – ни к кому конкретно не обращаясь, заявила явно подружка мамочки. – Люди стали такими бесчувственными!

– Вы идете или нет? – меня ткнули в спину. – Сколько можно стоять?!

Я же, прикрыв глаза, считала до двадцати, как учил маршал Пастерс, уверяя меня, что нервные клетки не восстанавливаются, а мои срывы слишком дорого обходятся бюджету Министерства юстиции. Стало быть, теперь я должна быть максимально тихой и незаметной. Не привлекать внимания и не вступать в споры.

Нет, я не истеричка, просто не всех хотят убить крупные наркодельцы, лишь бы в суде не услышать моих показаний. Шесть месяцев я провела, скрываясь, колеся по стране и сменив кучу имен… Кому бы это пошло на пользу?

– Пожалуйста, пройдите на свободные сиденья и успокойте ребенка, – проворковала подоспевшая стюардесса. И, о чудо, мамаша тут же послушалась, еще и пропела, благодарно улыбаясь:

– Конечно, простите.

Я закатила глаза и быстро прошла на выход, в который раз удивляясь, почему люди не слышат моего вежливого обращения, но спокойно воспринимают замечания других.

Первый контроль проходила, затаив дыхание и оглядываясь по сторонам, – привычка, выработанная за последние полгода. Дальше пошло по накатанной. Пока не пришло время забирать багаж…

Мой чемодан так и не появился, зато по кругу крутилось одинокое розовое недоразумение, на которое никто так и не позарился. Я все ждала свой багаж, выискивая взглядом того, к кому можно обратиться с вопросом, когда появилась некая женщина в строгом костюме. Приблизившись к ленте, она громко зачитала этикетку, прикрепленную к одинокому чемоданчику, и тут я поняла, что жизнь окончательно повернулась ко мне задом:

– Элеонора Ридли!

Да что же это такое! Ну не может так не везти. Просто не может.

– Это какая-то ошибка, – как можно спокойнее сообщила я, приближаясь. – Мой чемодан был минимум в два раза больше этой пародии.

– Вы Элеонора Ридли? – надменно уточнила дама.

– Да, но…

– Тогда заберите свой багаж, пока его не унесли на склад до востребования.

– Вы не поняли!

Я сжала кулаки и снова начала считать, сбившись примерно на пятнадцати, когда к женщине подошел мужчина в типичной униформе и передал ей переноску с трясущимся мелким нечто с огромными ушами и розовым бантом.

– Хозяйка не приходит за питомцем. Некая Элеонора Ридли.

Тут они оба посмотрели на меня.

– Это она, – обличительно указала пальцем женщина.

– Тогда почему вы не забираете своего… – Мужчина перевел взгляд на собаку и прочел имя, прикрепленное на ручке переноски. – Пусю?

У меня нервно дернулось веко.

– Это. Не. Моя. Собака!

– Не кричите, пожалуйста. Иначе мы позовем охрану! – тихо постановил мужик, передавая псину в руки коллеги. – Разбирайся сама, Роза, я сегодня уже брал на себя того дебошира. Твоя очередь.

– Да вы издеваетесь! – зло выпалила я. – Объясняю в последний раз: мой багаж каким-то образом перепутали вот с этим! – я ткнула пальцем на розовый чемодан и тут же перевела его на дрожащую всем телом зверюгу, размером не превосходящую мой рюкзак. – И это тоже не мое! Либо вы немедленно разберетесь с этой ошибкой, либо я!..

– Элеонора! – прервал меня знакомый, чуть вибрирующий от раздражения голос. Обернувшись, я узрела федерального маршала Пастерса во всей красе. Как всегда собранный, деловой и спешащий на помощь. – Что случилось?

– Ваша знакомая не хочет забирать багаж и собаку, – тут же начала жаловаться сотрудница аэропорта. – Угрожает скандалом и жалобами!

– Я пока никому не угрожала, только просила разобраться…

– О, все в порядке. Это наш багаж, – снова вклинился Пастерс, заставляя меня обалдеть от возмущения и в кои-то веки замолчать. – Простите за недоразумение.

– Вот и прекрасно. Очень рада, что мы сумели разобраться, – изобразила вежливость женщина, бросая на меня взгляд, полный превосходства, и вручая в руки Пусю. – До свидания!

Она уходила, а мое раздражение нарастало.

Резко развернувшись, я уставилась на Пастерса, собираясь закатить уже настоящий скандал. Но он успел заговорить первым.

– Я разберусь с багажом, обещаю. Мы найдем, куда улетели твои вещи, и заставим хозяйку чемодана и собаки забыть про их существование.

– Не это я хотела услышать! Мне нужны мои вещи и совершенно не нужна псина.

– Ну, подаришь ее кому-нибудь, – пожал плечами маршал. – Это точно не твоя главная проблема.

Разумеется, моя главная проблема была в том, что я вообще полезла совершать подвиги и встала на сторону закона и справедливости.

– Конечно! Я совершенно зря связалась с вами.

– А теперь послушай меня, – Пастерс подхватил розовый чемодан и, затащив меня в некий закуток, продолжил: – Я устал от тебя. Хватит. Ты сменила четыре места жительства за полгода.

– Потому что вы подбираете совершенно неподходящие для меня легенды, – по возможности вежливо и сдержанно ответила я.

– Так! – Впервые на лице маршала появилось выражение злости. Искренней и настоящей. – Ты, несомненно, очень помогла следствию, проявив гражданскую

ответственность и дав показания против Сойера-старшего, и мы шли тебе навстречу, сколько могли. Я помню, что ты журналистка, сделавшая свое имя сама, и что скандалы, интриги и расследования – твое все, но… Хватит. Это в прошлом. Сойера осудили, и правительство больше не может тащить лямку с именем…

– Элеонора Ридли, – напомнила я последнее из вымышленных имен.

– Именно так. Гувернантка. Спокойная и уравновешенная. С пятью тысячами баксов на счету.

– Пять тысяч?! – я округлила глаза. – И на что прикажете строить новую жизнь, если мои собственные счета заморожены?

– Заработаешь, – отрезал Пастерс. – Жизнь дороже, не так ли? Или ты забыла, что Сойер-младший все еще землю роет носом? Итак, это последнее место, которое мы для тебя проспонсировали, Элеонора. Дальше сама. Новые документы, все с нуля. Уж постарайся не запороть все из-за своего характера. И место, которое тебе подыскали, вполне неплохое: свежий воздух, натуральная пища, крыша над головой. Да и жалованья гувернантки вполне хватит для жизни в Канзасе.

– Вот так? Поимели и выбросили, – зло ухмыльнулась я, отбирая теперь уже свой розовый чемодан.

– Прекрати. Я специально прилетел сюда на неделю раньше и все здесь проверил. Отличное место. Здесь тебя никто не найдет, если ты сама не напортачишь. Но на всякий случай вот тебе номер для экстренной связи. На самый крайний случай, понимаешь?

Бумажка перекочевала в карман моей рубашки.

– Всего хорошего.

– И вам того же, господин маршал, – не без обиды ответила я, двигаясь прочь.

Перспективы для новой жизни вырисовывались просто обалденные: одна, с пятью тысячами баксов на счету и чемоданом чужих вещей, еду на богом забытую ферму воспитывать восьмилетнюю девочку.

Да-да, именно так. В программе защиты свидетелей решили, что из меня выйдет прекрасная нянька для подрастающего поколения. А уж какие рекомендации мне нарисовали – залюбуешься. Я честно пыталась возражать, приводить аргументы, но в ответ услышала, что у женщин материнский инстинкт заложен природой, и во мне он обязательно проснется.

Словно издеваясь и подтверждая мои самые худшие мысли, в переноске залаяла собака, о которой я совершенно забыла.

Ах да, теперь у меня еще есть Пуся. Трясущееся от малейшего сквозняка существо с выпученными глазами.

И стоило подумать, что хуже просто не бывает, как на меня налетел мужик с большим стаканом кофе. Тот оторвал взгляд от мобильного и удивленно смотрел, как коричневый напиток расползается, впитываясь в мои джинсы и серые кроссовки.

– Ого, – выдал бугай. – Сори!

– Ненавижу, – прошипела я, меняя направление движения в поиске туалета и надеясь только на то, что загадочная владелица розового чемодана была примерно моего роста и телосложения. А еще, хорошо бы, чтобы у нее была обувь…

Спустя минут десять я осознала, что не всегда мечты сбываются к лучшему. Вещи из чемодана не совсем идеально, но все-таки сели по фигуре, больше того, там оказались подходящие по размеру туфли, что было практически подарком небес.

А дальше начинались нюансы.

Платье было цвета фуксии, а белые туфли в тон к собаке оказались на высоченной шпильке.

Я мрачно смотрела на кудрявую блондинку в зеркале, которая выглядела как крайне тупая Барби. Потому что умная не потащилась бы в богом забытый Канзас в таком виде и с такой псиной!

– Гав! – авторитетно высказалась вышеупомянутая из переноски и заскреблась в дверцу лапками. Так как в чемоданчике нашлась еще и розовая шлейка, я выпустила чихуа-хуа из заточения, и мы уставились друг на друга с совершенно взаимным недоумением.

В глазах у собаки был только вопрос: «Что это за страшная женщина и где моя хозяйка?», а в моих просто тоска от осознания, что бросать «Пусю» никак нельзя, хотя и очень хочется.

Моя пятая «жизнь» начиналась крайне паршиво.

Но делать было нечего! Взбив светлые кудряшки, я подхватила Пусю, чемодан и, открыв дверь, решительно шагнула навстречу светлому будущему!

Оно встретило меня сразу двумя новостями. По традиции одной хорошей, а второй плохой. Мое место назначения находилось у черта на рогах – в степях Канзаса. Но автобус отъезжал через полчаса.

Господи, не просто проживание в маленьком городке, а на ФЕРМЕ в сорока милях от него. Что я там стану делать?..

Я забралась в салон и устроилась на выделенном месте, посадив псинку рядом. Во взгляде этого чуда природы смешалось все королевское презрение мира к окружающей ее обстановке вообще и ко мне в частности.

И мы тронулись! С места, что радовало, а не умом. Хотя, быть может, еще не все потеряно.

Дорога оказалась долгой, да еще и пыльной. Стоило автобусу открыть дверь на остановке, как салон наполнялся каменной взвесью, и я немилосердно чихала.

В завершение всего оказалось, что автобус останавливался на повороте и до фермы Энтони Хоупа нужно было идти еще минут пятнадцать. По пыльной

дороге. С чемоданчиком. На шпильках. С чихуа-хуа в руках, потому что Пуся сама идти отказалась!

– Мне уже не нравится эта работа, – пыхтела я, сдувая со лба прядь волос.

Вокруг было тихо и жарко. Очень жарко.

Наконец-то впереди показались признаки жизни, и, прищурившись, я окинула быстрым взглядом отчетливо видные постройки. Большой двухэтажный дом в деревенском стиле, сложенный из бревен медового оттенка, с просторной верандой. Вдалеке стояли водонапорная башня и ветряной генератор. И, конечно же, хозяйственные постройки, по всей видимости, конюшня и… да, судя по мычанию, коровник.

Приятная дрожь предвкушения прокатилась по телу. Как же я хочу принять ванну! Или прохладный душ? Ох, мечта дня!

И скажу, что к своим обязанностям я приступлю с завтрашнего дня. Справлялись же тут с восьмилеткой без меня, верно?

Воодушевление сыграло злую шутку, потому как из-за спешки я не смотрела под ноги и умудрилась вляпаться… в общем, вляпаться.

– Фу-у-у… – выдохнула я, лихорадочно ощупывая сумку в поисках влажных салфеток.

– Оу, мисс! – очень «вовремя» раздался рядом веселый голос. Подняв глаза, я увидела смуглого пожилого мексиканца, который сбил с затылка широкополую шляпу, почесывая голову и внимательно меня рассматривая. – А вы к кому?

– Здравствуйте. Меня зовут Элеонора Ридли. Я гувернантка, приехала по договору с мистером Энтони Хоупом. Могу я поговорить с ним?

– Гувернантка? – меня окинули удивленным взглядом с макушки до пяток. – Э-м-м… Хорошо. Подождите на веранде.

И, развернувшись, он быстрым шагом направился к одной из хозпостроек. А я поковыляла в указанном направлении, с трудом сдерживая желание выругаться вслух. Все же тут рядом ребенок бегает, еще нахватается плохого.

Быстро очистила туфлю, но, протирая обувь в последний раз, чуть пошатнулась, после чего все же выразила отношение к ситуации.

– Вот… дерьмо! Что за дыра?!

– Здравствуйте, – мрачно донеслось до меня.

Торопливо выпрямившись, я развернулась к говорящему и… обомлела.

В нескольких метрах от меня, опираясь плечом об одно из несущих бревен веранды, стоял обалденно красивый мужик. Ковбой с разворота женского журнала, ей-богу! Мощная грудь, ровный загар на обнаженных плечах и мелкие капельки влаги на коже, и еще эта шляпа… Нет, на картинках в инете или в телевизоре таких, конечно, много, но вот так, лицом к лицу… первый раз!

Он двинулся вперед, и я залипла на зрелище перекатывающихся под майкой мускулов, а после мужчина заговорил.

Дева Мария! Вот это экземпляр!

– Элеонора Ридли? – смерив меня недовольным взглядом, уточнил «экземпляр».

– Да, – попытавшись выкинуть романтический туман из головы, кивнула я, напомнив себе, что у этого типа есть ребенок, а, стало быть, наверняка имеется жена. А потому спокойствие, дорогая!

– И вы – та самая няня со стажем работы десять лет и блестящими рекомендациями?

Сколько лет?! Обалдеть. Мне по-настоящему всего-то двадцать четыре – они совсем с ума сошли в своем бюро?!

– Да, она самая.

– И сколько вам лет? – беспардонно спросил, очевидно, хозяин фермы.

Так… Обучение плюс стаж десять лет… И сколько мне годиков? А-а-а-а!

Под пристальным взглядом ярких зеленых глаз мои математические способности отказывали начисто!

– Девушкам такие вопросы задавать некорректно.

– Стало быть, хорошо сохранились, – с некоторой долей презрения протянул мужчина, но тут же вновь стал деловым и сосредоточенным. – Ладно, все равно вариантов у меня нет. Идемте, я познакомлю вас с Хлоей.

Я подхватила собаку, чемодан и бросилась за ним, но Энтони настолько резко остановился в дверях, что я налетела на него, впечатавшись носом в сильную спину. На меня дохнуло запахом сена и терпким ароматом мужчины. Ноги ослабли, а руки, наоборот, сильнее стиснули несчастную пискнувшую собаку.

Раньше я всегда считала, что взмокший мужчина это фе, и совершенно не понимала, как может нравиться сильный запах пота, но сейчас… Ох.

Он развернулся, чуть отодвинул меня в сторону и бесцеремонно забрал из рук чемодан.

Я удивленно похлопала глазами, но послушно последовала за хозяином дома.

– За собакой придется пристально следить, – начал тот, разуваясь на пороге. – Она не должна навредить девочке.

Мы с Пусей переглянулись. М-да, тут скорее ей можно навредить, а не наоборот! Тем более восьмилетние дети – те еще монстры.

Вновь подхватив мой багаж, он размашистыми шагами двинулся к резной лестнице на второй этаж, а я, торопливо скинув туфли, рванула за ним, даже не успев осмотреться.

– Ваша комната, – заявил мне этот домашний тиран, открывая вторую дверь справа и бросая чемодан около шкафа. – Тут есть маленькая дверь, которая ведет в спальню Хлои. Сейчас она спит, потому тихо…

С удивительной грацией для мужчины такой комплекции он прошел в соседнюю комнату, в центре которой стояла… колыбель.

Пребывая в полном и окончательном шоке я приблизилась к ней и, заглянув, увидела спящего на белых простынях младенца, которому не было и годика. Крошечная девочка в розовом боди. Миленькая, с пухлыми ручками и ножками со складочками. Энтони склонился над ней с нежной улыбкой и коснулся щечки, от чего малышка едва заметно улыбнулась.

– А где второй ребенок? – тупо спросила я, по-прежнему не веря в то, что все может быть настолько плохо.

– Какой? – не понял Энтони, отрывая взгляд от малышки.

– Которому восемь лет.

– Тут больше нет детей, – медленно покачал головой тот. – Только Хлоя и ей восемь месяцев. Именно для нее я вас и нанимал.

– Невозможно! – шепотом воскликнула я, опасаясь говорить громче. – Там точно значилось восемь лет!

– Значит, что-то перепутали, – твердо проговорил хозяин фермы и, отстранившись от колыбели, сообщил: – В общем, приступайте!

– Да вы с ума сошли! Никакого «приступайте»! Я не стану заниматься настолько маленьким ребенком.

Нет, я честно была умилена этой спящей малышкой, но… одновременно с этим меня некисло так колотило. Она маленькая, хрупкая, похожа на херувимчика с открыток, а я…

Да я даже не подозревала, чем кормят таких детей. Молоком, наверное. Теоретически.

Глава 2

Энтони посмотрел на меня уничтожающе. Его, скажем так, «неприязнь» вдруг начала ощущаться мною просто на физическом уровне.

– Ну, раз не станете, значит, и делать вам здесь нечего. Могу проводить на выход, – и двинулся к двери из детской, а я бросилась следом.

Подхватив безобразно розовый чемодан, он решительно шагнул прочь из комнаты, даже не успевшей стать моей. Рядом жалобно тявкнула собака, и я поняла, что бравый ковбой не шутит. Для него не было сомнений: как я приехала, так отсюда и уеду.

– Стоп, стоп! – Я включила обратную передачу, пока не стало слишком поздно. – Мы просто недопоняли друг друга. Я согласна. Просто… Эм, все как-то слишком неожиданно. В объявлении было сказано, что ребенку восемь лет.

Хоуп развернулся, чемодан поставил на место.

Что ж, уже неплохо. Я тихонечко выдохнула, стараясь не выдавать волнения, дабы не усугубить ситуацию. Мужчина же еще раз осмотрел меня с ног до головы, прошивая взглядом, словно рентгеном, пока не изрек:

– У меня появляются огромные сомнения, стоит ли вас вообще подпускать к ребенку, – наконец он вынес вердикт. – Могу я еще раз взглянуть на ваши рекомендации?

– Да-да, конечно, – радостно кивнула, будучи уверенной, что хоть в бумагах у меня точно все в порядке, и потянула розовый чемодан к кровати.

Туда, переодеваясь в аэропорту, я запихнула рюкзак с документами и теперь, расстегнув молнии, выкладывала на кровать все поочередно: тонкие ниточки

бикини, брендовое платье от кутюр, затем еще одно, не менее брендовое нечто, сплошь в стразах и блестках.

Наконец, добравшись до искомого, я извлекла потрепанного вида рюкзачок, который совершенно не вязался с люксовым шмотьем, вытащенным ранее, а после передала толстую папку с документами Энтони.

Вид у того был малость опешивший. Мужчина за всеми манипуляциями наблюдал в полном недоумении, даже бровь заломилась, но стоило мне посмотреть ему в лицо, как оно вновь приняло пренебрежительное выражение.

– Так, что тут у нас? – листал он бумаги. – Элеонора Ридли, двадцать четыре года, окончила колледж в прошлом году, имеет рекомендации от нескольких агентств, работала в трех семьях… – он, наконец, поднял на меня взгляд. – Что ж, это многое объясняет. Меня заверили, что приедет опытный специалист, а у вас… хм… кроме образования, опыта всего ничего.

– Я очень опытная, – попыталась тут же его уверить. – И про десять лет стажа – правда! Я с пятнадцати лет подрабатывала у знакомых сиделкой для малышей.

Мужчина поджал губы, еще раз смерив меня и толстую пачку рекомендаций скептическим взглядом.

– Сиделки у стариков, а я заказывал гувернантку, способную не только присмотреть за ребенком, но и помогать ему с развитием! – поправил он. – Но, видимо, стоило требовать именно няню, раз это сбило с толку агентство. У вас два дня испытательного срока, а там посмотрим. Если не справитесь – позвоню и запрошу новую помощницу, четче объяснив, кто именно мне нужен и сколько месяцев воспитаннице. И собаку свою уберите!

Я опустила взгляд на пол, где Пуся как раз принюхивалась к ногам Хоупа и пыталась забраться к нему на ручки по штанине.

Пришлось подхватить ее под брюшко, чем она осталась совершенно недовольна и залилась визгливым лаем.

С выражением полного провала на лице я принялась с остервенением наглаживать ее между ушами. Вот только поздно.

Где-то за стеной раздался плач, и я едва не выронила дурную псину обратно на пол из-за охватившей паники.

– Я считаю, что собакам вообще в доме не место, – изрек Энтони. – Даже если они – вот такое недоразумение. Работайте, мисс Ридли.

Он вышел из комнаты, а я осталась стоять в полной прострации и растерянности, что же делать дальше.

Плач за стенкой усилился.

Так, считаем до десяти и успокаиваемся. Пять, шесть… Ай, чтоб его!

Выпустив собаку из рук, я с опаской двинулась в детскую.

Первым шоковым открытием стало то, что ребенок в кровати СТОЯЛ! Да-да, оказалось, что в восемь месяцев маленькие карапузы умеют довольно ловко передвигаться по бортам кровати и очень громко голосить, призывая обратить на них внимание.

Завидев меня, крошка Хлоя моргнула, а в следующую минуту еще и улыбнулась, сверкнув двумя зубами.

Ого! У нее еще и зубы есть!

Разглядывала она меня с такой же внимательностью, что и я ее. Только если малышка смотрела с интересом на мое яркое платье, то меня ребенок скорее пугал. Она шевелилась, моргала, улыбалась и, в довершение всего, издавала какие-то бузящие звуки.

– Ну и что мне с тобой делать? – задала я вопрос, ответа на который, разумеется, не последовало.

Я обвела комнату умоляющим взглядом в поисках хоть каких-то подсказок от мироздания. Что мне делать дальше? Вначале взгляд упал на бутылочку с соской – уже что-то, а потом на упаковку памперсов.

Захотелось взвыть. Натурально и в голос. Остановило меня только то, что Пуся наверняка подхватит мой скулеж, и тогда Энтони нас точно выставит за несоответствие должности.

Мне нужно было собраться. Я вдохнула-выдохнула и все же взяла ребенка на руки. Осторожно, но крепко, с замиранием сердца и временной задержкой дыхания.

Небо не упало, гром и молнии не разверзли землю. Конца света тоже не случилось.

Малышка деловито устроилась на руках, встретилась со мной взглядом, поприветствовала нечленораздельными звуками и, намотав прядь моих волос на кулак, потащила в рот.

– Фу! Брось! – попыталась достучаться я, вспомнив команду для собаки, но меня, разумеется, не поняли. Зато обслюнявили. – Ты, наверное, хочешь есть? Где-то должны быть смесь или молоко, или…

Проклиная сбежавшего Тони, который даже не удосужился показать остальной дом, кроме двух комнат, я с ребенком на руках приступила к поискам еды, а заодно и сотовой сети, чтобы выйти в интернет.

В двадцать первом веке живем, и если не умеешь что-то делать, то всего-то и нужно, что загуглить. Вот только интернета на богом забытой ферме не было, а значит, и спасительного ютуба с его мастер-классами по воспитанию малышек тоже.

– Черт! – выругалась я и тут же добавила: – Хлоя, ты ничего не слышала!

В своих поисках я решила идти другими путями. Должен же был кто-то заниматься ребенком до меня? Где ее мать, в конце концов?

Мне пришлось спуститься на первый этаж, методом слепого блуждания по дому найти кухню и уже там обнаружить армию детской посуды, а также заменители молока, какие-то каши, баночки пюре и прочую карапузью снедь.

– О, мисс собралась покормить малышку! – раздался за спиной радостный возглас.

Обернулась и увидела уже знакомого мексиканца.

– Да, наверное, она проголодалась после сна, – отозвалась я как можно дружелюбнее, прикидывая, как бы узнать от собеседника побольше информации о том, куда же я все-таки вляпалась.

– Это правильно, – похвалил мексиканец и, наконец, соизволил представиться: – Диего.

– Элеонора.

Где-то под ногами забрехала собака, пришлось знакомить и с ней:

– Пуся. Так что обычно ест ребенок? И я бы хотела пообщаться с тем, кто ухаживал за ней до меня. Узнать привычки, распорядок.

– А что тут узнавать? Мы и ухаживали. Кто свободен на ферме, тот и возился. То Тони, то я, то Хуан с Рикардо, но скоро сбор урожая, работы много будет. Не до ребенка. Да и девочка она. Неправильно это, когда без женской руки такая малышка растет.

Мексиканец без особого смущения подошел к раковине, вымыл руки и весьма ловко, так, что даже я поразилась, приготовил ребенку кашу, заставил меня усадить Хлою на детский стульчик, сам повязал слюнявчик, а после минут за десять накормил девчонку.

Я стояла, только что челюсть с пола не подбирала, потому что в один момент осознала, что мне так никогда не суметь.

– А где ее мама? – наконец сумела выдавить я.

– Да-а-а, – как-то совсем разочарованно протянул Диего и махнул рукой, – сестрица Тони – дурная на всю голову баба, нагуляла ребенка где-то в городе и отказаться хотела. Но Тони не позволил, сюда на ферму забрал…

Старик ловко вытащил Хлою из кресла, умыл лицо свежей водой, а после вновь передал мне на руки.

– Ну, вы осваивайтесь, мисс Ридли, – вполне дружелюбно пожелал он и, уже выходя из кухни, добавил: – Ну, и… вы бы это… переоделись, что ли. Ферма все-таки. Испачкаете платье, жалко будет.

Я еще раз оглядела свой наряд цвета фуксии, рассеянно кивнула и с сожалением поняла, что пока не перестираю испачканные кофе вещи, переодеваться мне особо не во что. Ну, если только в бикини, на нем стразов было меньше всего. Как и ткани, впрочем.

Поднявшись обратно в детскую, я посадила Хлою в кроватку, села на пуфик рядом и принялась думать, как жить дальше.

Самым простым вариантом показалось бежать в город и пробовать начинать новую жизнь на те пять тысяч, что мне оставило государство. Вариант, может, и хороший, вот только…

Представила лицо маршала Пастерса, когда ему доложат, что я вылетела с очередной работы.

Еще была возможность позвонить ему самому по номеру, который он дал на самый крайний случай, сказать, что произошла ошибка и что ребенку на ферме не гувернантка нужна, а нянечка. И что между восемью годами и восемью месяцами – огромная пропасть.

Вот только я уже знала, куда меня пошлют и что при этом пожелают.

В общем, у меня оставался только третий вариант: взять себя в руки и попытаться справиться с крошечным ребенком.

В этот самый момент я услышала со стороны кроватки кряхтяще-сосредоточенные звуки. Хлоя сидела, деловито дула щеки, краснела и пыхтела.

– О, нет! – протянула я, понимая, что сейчас произойдет. – Нет, нет, нет. А давай мы позовем дядю Диего? Или кого-нибудь еще?

От порыва заголосить просьбу о помощи меня остановило только осознание, как это будет выглядеть со стороны. Няня, не умеющая менять подгузники… Эпично.

– Соберись, тряпка, – настраивала себя я. – Это делают тысячи матерей. В этом нет ничего страшного! Это всего лишь подгузник, который нужно сменить и выбросить.

Я внутренне воззвала к материнскому инстинкту, которому самое время было проснуться. Вот только мой, похоже, пребывал в коме.

– Святая Дева, помоги! Женщина ведь морально готовится к этому девять месяцев, мне-то за что такое счастье на голову одномоментно свалилось?

Хлоя издала хнычущий звук и недовольно заерзала на попе.

Ну что я, в самом деле? Пережила же пять смен личности, кучу переездов, засадила в тюрьму одного наркобарона, неужели я подгузник не сменю?

Через десять минут я стояла над довольным ребенком, стирала со лба испарину и понимала, что горжусь собой, как никогда в жизни. Потому что смогла!

И это оказалось не столько брезгливо, сколько сложно. Поймать выворачивающегося и норовящего уползти ребенка, чтобы этот самый подгузник надеть. А еще мне, наконец, улыбнулась удача: в одном из ящиков комода с детскими принадлежностями обнаружилась книга с советами для будущих матерей.

– И незадачливых нянь, – добавила я, листая страницы и уже сейчас понимая, что придется изучить ее от корки до корки.

Но радость моя была недолгой: не успела я прочитать первую главу, как Хлоя зашлась в новом приступе плача, умудрившись даже в кроватке с мягкими бортами стукнуться обо что-то носом.

– Я тут с ума сойду, – взвыла, понимая, что это только цветочки, а от ягодок у меня наверняка начнется несварение.

* * *

Энтони Хоуп

– Ну, что? – спросил я у вышедшего из дома Диего. – Как они там?

– Все хорошо, Тони, – старик улыбнулся. – Но, кажется, она немного напугана.

– Хлоя?

– Нет, девушка. Приезжая. Так смотрела на детское питание, словно в нем бомба спрятана.

Я покачал головой и хотел пойти в дом, чтобы лично убедиться в том, что племянница в порядке.

Подобный эксперимент с горе-блондинкой не нравился мне все больше и больше.

– Погоди, – Диего встал передо мной и, похлопав по плечу, кивнул на конюшню. – Ты пойди, закончи начатое. Остынь. Дай ей шанс. Хлое нужна няня.

– Ты что, не видел ее? Кто в здравом уме приедет в таком виде на ферму?

– Ну, она молодая, – хмыкнул старик. – И красивая.

– Это меня волнует в последнюю очередь, – начал злиться я. – Няня может быть даже пугалом, но мне нужно быть в ней уверенным.

– Может, и так, но красивая – лучше, – засмеялся Диего. – Пусть они присмотрятся друг к другу. Хлое эта Элли понравилась.

Я раздраженно передернул плечами, но остановился. Действительно, малышка подпускала к себе далеко не всех. Та же Джессика, приезжая недавно для осмотра племенных коров, попыталась взять Хлою на руки, и мы получили истерику.

– Возможно, ты прав, – я посмотрел на Диего, – но ты пока не отходи далеко. Мало ли… А я закончу в конюшне и сделаю пару звонков.

– Правильное решение, Тони, – отозвался старик, когда я уже уходил от дома. На душе скребли кошки от волнения за племянницу. Что-то с этой Элли и ее Пусей было нечисто. Только ненормальная возьмет с собой визгливую собаку породы «ниже щиколотки» для работы няней. И это имя! Пуся…

Меня перекосило. Что за больная фантазия у девицы?

В памяти тут же всплыли документы, где говорилось об окончании колледжа с отличием. Рекомендации, пара грамот… Ну не верилось мне в подлинность этих бумажек! Слишком резонировал образ приехавшей Барби с той, кто закончил бы учебу с отличием.

Работа в конюшне немного отвлекла, но стоило закончить дела, как в голову снова полезли нехорошие мысли. Возможно, я и вовсе поторопился с наймом постороннего человека. Следовало подождать, пока Хлоя научится говорить, чтобы иметь возможность жаловаться на действия няни. Сейчас же главным фактором, по которому я мог понять, хорошо ли с ней обращаются, было ее спокойствие или, напротив, плач.

На улице стало еще жарче, чем раньше. Солнце не щадило ни землю, ни урожай, и это тоже не радовало.

Опершись на стену конюшни, я посмотрел в небо и задумчиво проводил взглядом белые облака. Плавно перевел взор на поле впереди. Вся эта земля была моей, и я вот уже восемь лет день и ночь трудился, кайфуя от ощущения значимости своего дела. Иногда в моей жизни появлялись женщины, как,

например, Лора. Но она сбежала примерно полгода назад, заявив, что хочет собственную свадьбу и собственных детей. Ей не понравилось появление Хлои в доме.

Диего говорил, что поступок Лоры можно понять, но я так и не смог. Как можно хотеть детей и отказывать в малости ребенку, оставшемуся без матери? Нет, похоже, женщины слишком сложные для меня существа.

Вот теперь еще и няня. Элли, как назвал ее Диего. Если уж Лора сбежала, то и эта сбежит. Что подобную девицу, с ногами от ушей и руками из пятой точки, может прельщать в работе на ферме?

Любовь к детям отпадала сразу – я видел, с каким ужасом она уставилась на Хлою, заприметив малышку в колыбели. Может, она обожает природу и животных? Снова нет. Барби даже с собственной собакой управлялась с трудом, а ее обувь буквально кричала, что хозяйка раньше не выезжала дальше города.

Но ситуации бывают разные, с этим тоже приходилось соглашаться. Помню, когда я принял решение сразу после университета уехать в Канзас и продолжать дело родителей на ферме, меня не понял практически никто. Преподаватели прочили блестящую карьеру, друзья звали в свои фирмы, предлагали финансировать мои проекты. А я не видел себя среди каменных джунглей. Только здесь, в Канзасе, мне было по-настоящему хорошо. Тяжелая изнуряющая работа давала свои плоды, стимулируя на новые победы.

Оттолкнувшись от стены, я кивнул собственным мыслям, уже приняв решение по поводу Барби. Пообещал два дня, значит, так тому и быть. Посмотрим, чего стоит эта девушка.

У дома меня встретил Диего. Старик дремал на веранде, облокотившись на перила. Стоило ему услышать звук моих шагов, как он встрепенулся и, протерев глаза, сообщил:

– Что-то меня сморило. Это все волшебный голос Элли.

Я вопросительно заломил бровь.

– Она поет для Хлои. Правда, репертуар… не самый удачный, но зато эффект есть.

– Ты уснул, – согласился я. – А как насчет моей племянницы?

– Разве ты слышишь, чтобы Хлоя плакала? – удивился старик. – В доме тишь, мир и благодать. Но все же надо написать ей пару колыбельных.

Вздохнув, я прошел мимо чересчур улыбчивого сегодня Диего и вошел в пугающий тишиной дом.

Сразу направившись в детскую, удовлетворенно вздохнул, увидев Хлою в люльке. И тут же услышал злобное шипение справа. Обернувшись, наткнулся на бешеный взгляд новой няни. Она просто полыхала от гнева.

– Вы чего? – вытаскивая меня из комнаты, тихо ругалась она. – Зачем так громко вздыхать? Вы ее разбудите!

– Да она спит как убитая, – обалдело проговорил я, наблюдая, как Элеонора осторожно прикрывает дверь, при этом на ее лице отражаются все спектры ужаса.

– Уф-ф, – няня отерла лоб и на цыпочках приблизилась ко мне. – Думать надо! Я тут три часа укладывала ребенка, чтоб вы разбудили ее по халатности! Пеняйте на себя, если Хлоя проснется!

После этой фразы Элеонора быстро развернулась на пятках и прошла в ванную комнату, круто покачивая затянутыми в джинсовые шорты бедрами. Я простоял на месте еще некоторое время, пытаясь осознать сразу два факта: у няни есть характер, и она меня отчитала как мальчишку. Своего работодателя.

Гневно сведя брови на переносице, я пошел за ней, чтобы раз и навсегда прояснить, кто на этой ферме хозяин, но снова остановился как вкопанный, уставившись на длиннющие босые ноги Элеоноры, стирающей что-то в тазике. Она стояла сильно пригнувшись, остервенело терла мылом по ткани и тихо приговаривала:

– Хватит. Достало. Сейчас я просто лягу и усну, а утром все будет по-другому. Я проснусь в прекрасном настроении, выспавшаяся и счастливая…

Я ухмыльнулся. Ну-ну…

– Хлоя встает в шесть. Иногда в пять. Лучше к этому времени уже приготовить смесь, тогда она может поесть спросонья и снова улечься. Но если будете готовить уже после пробуждения, то смело запасайтесь терпением часа на три-четыре. Ее любимые игрушки в синем пластмассовом контейнере с изображением слоненка Дамбо.

Элеонора обернулась, сдула челку с глаз и только потом разогнулась, бросая недостиранную вещь в мыльную воду.

– То есть как – в пять? Кто ее к этому приучил? Вы что, садист?

– Природа ее так приучила, мисс Ридли, – я облокотился о дверной косяк и с нескрываемым удовольствием наблюдал, как меняется лицо няни, отображая всю гамму испытываемых ею чувств: от непонимания до осознания собственного прокола и, наконец, краски стыда на щеках.

– Не все дети встают ночью, чтобы поесть, – выдохнула она, отворачиваясь и снова приступая к стирке, но на этот раз как-то неловко: мыло то и дело выскальзывало из ее рук.

– Все, – припечатал я. – Уж так они устроены, мисс Ридли. Но вы ведь знаете это лучше, чем я, с вашими-то рекомендациями и опытом.

– Конечно, знаю. – Она снова сдула челку со лба. – Не сомневайтесь.

– Угу, – я отодвинулся от косяка и, уже покидая ванную комнату, добавил, ни к кому конкретно не обращаясь: – Ладно, посмотрим, что принесут нам следующие два дня.

Я снова вышел из дома, бросив взгляд на настенные часы. Восемь. Значит, Хлоя встанет и того раньше.

Диего все еще был на веранде, на этот раз он присел и почесывал живот чуть поскуливающей Пусе. Та лежала на деревянном полу и закатывала глаза от удовольствия. Больше того, от… гм… удовольствия у Пуси проявилось явно выраженное мужское достоинство.

– Это что такое? – я обескураженно смотрел на собаку.

– Да вот, – усмехнулся Диего, – думаю, дай поглажу девочку, а он ко мне брюхом развернулся. Вот тебе и Пуся с розовым бантиком.

– Она что, совсем больная? – Я оглянулся на дом, пытаясь сдержать в себе порыв пойти и немедленно уволить Барби. – Кто называет кобелей такими именами и заплетает им хвостики с лентами?

– Ну, она ведь городская. У них там свои нравы. Нам не понять.

– Плевать я хотел на такие нравы. – Снова взглянув на млеющего от ласки кобеля, я с отвращением отвернулся. – Зачем вообще выводить такие породы? Он же себе ни пищу добыть не сможет, ни защититься.

– Моя Консуэлла при жизни хотела такого пса. – Диего поднялся и, глянув на меня, объяснил: – У нас не было детей, а заботиться о ком-то – потребность любой женщины.

– Завели бы себе овчарку, – пожал плечами я.

– Далеко тебе до знатока женских душ, – засмеялся Диего, хлопая меня по плечу. – Этот… Пуся маленький и нуждается в бережном отношении. А овчарке только и нужно, что поесть вовремя да прогулки на свежем воздухе.

Я лишь махнул рукой на рассуждения старика и небрежно отогнал льнущего к ноге пса-недоросля. Тот что-то тихо тявкнул и тут же опасливо посмотрел на дом. Похоже, ему тоже прилетело от няни за слишком громкое дыхание… Что ж, не такой уж и глупый этот пес, если сумел понять, что иногда лучше промолчать.

– Идем, – сказал я мексиканцу, – провожу тебя и заодно проверю, как там дела у Карлоса. Он жаловался, что один из комбайнов плохо работает, грозился сам его починить.

– Значит, сразу вызывай мастера из города, – покачал головой старик. – И мисс Джессике позвони. Думаю, не сегодня так завтра Летара отелится, надо бы помочь ей, все-таки двойня.

– Да, ты прав. Сейчас напишу ей.

Диего громко цокнул языком, выражая крайнюю степень недовольства.

– Мог бы и позвонить девушке.

– Тогда придется тратить гораздо больше времени, чем хотелось бы.

– Совсем ты от рук отбился, Тони, я ведь тебя еще в пеленках помню… и Джессику. Она с тебя глаз не сводит. Или сам не видишь? Девушка хорошая, все ходит, намекает. Неужели не хочется семью создать? Попробовал бы…

– Пробовал уже, и не раз. Видно, не мое. К тому же, теперь Хлоя появилась – она и есть семья. И закрыли на этом тему женщин, Диего.

– Как скажешь, сынок, как скажешь. Тогда я пойду отдыхать, что-то сил становится все меньше. Еще пару лет – и встречу свою Консуэллу.

– Не говори глупости, ты слишком нужен мне здесь, чтобы бросать одного.

– Потому и держусь. Вот женю тебя на хорошей девушке, тогда и умирать можно с легким сердцем. До завтра, Тони, и да, не потеряй собаку. Он ходит за тобой по пятам.

Я обернулся. Пуся сидел в шаге от нас и невинно дергал длинными ушами. Этого мне еще не хватало.

– Брысь! – рявкнул на него, взмахивая руками.

– Гав, – радостно отозвался пес, виляя куцым хвостом и подбегая ближе.

– Смотри, не задави его ненароком. Глаза-то у кобеля умные, даром, что мелкий такой. – Диего направился к своему домику, где когда-то они жили вместе с супругой, а теперь он коротал свой век один.

– Веди себя хорошо, парень! – проговорил я, присаживаясь напротив и разглядывая собаку. – Ты обязан меня слушаться. Ясно?

– Гав, – мотнул головой пес и, развернувшись, убежал к дому.

– Весь в хозяйку, – понял я. – Тощий, в розовых несуразных шмотках и совершенно не поддается дрессуре. Два дня – и попрощаемся, Пуся.

Глава 3

Элеонора Ридли

Когда настырный работодатель наконец-то скрылся в своей комнате, по другую сторону от спальни Хлои, я облегченно выдохнула. Присутствие Энтони Хоупа нервировало. Во-первых, потому что он в два счета мог поймать меня на обмане, что и пытался сделать, а во?вторых, он никак не вписывался в привычный мне образ зверя-начальника. Все, с кем я конфликтовала ранее, были старыми толстенькими мужчинами или стервозными дамами. А тут красавчик-ковбой.

Ладно, сейчас моя задача номер один не он, а его племянница. Я развесила постиранные вещи и на цыпочках прошла в комнату Хлои. Маленькая вредина сладко спала в кроватке и даже периодически чему-то улыбалась во сне. Розовощекая, симпатичная, в миленьком боди и кружевах. Ну да, конечно, у ее высочества сегодня был отличный день: и накормили, и напоили, и песенки спели, и поиграли. Новый состав клоунов при дворе в лице Элеоноры Ридли!

На меня же разом навалилась просто дикая усталость.

Этого дикого дня, недели, да и полугода, если уж на то пошло.

Я оставила дверь между своей спальней и детской открытой и, небрежно стянув с себя одежду, переоделась в удобное хлопковое белье в виде короткой майки и трусов-шортиков – слава богу, в рюкзаке остались – и заползла под одеяло. Постельный мир принял меня тепло и радушно: утопил в мягком матрасе, обнял приятно пахнущим бельем, и я почти сразу уплыла в царство Морфея смотреть сны о Нью-Йорке, хорошей квартире, приятном балансе на счете и о счастье без детей.

Сладкие грезы, как я сижу на своей ультрасовременной кухне и потягиваю через трубочку смузи с листиком мяты, прервал какой-то навязчивый звук. Во сне я поочередно проверила телефоны: мобильный, домашний и даже сбегала к входной двери. Но потом меня выбросило во тьму спальни, и я, подобно зомби, восстала с кровати, пытаясь понять, что за звук меня разбудил, откуда он идет и, самое главное, что надо делать.

Хлоя!

Сонливость слетела моментально, и я рванула в детскую, из которой и раздавался плач. Там, в полутемной комнате, над кроваткой склонился Энтони Хоуп и с тихим воркованием осторожно взял хнычущую малышку на руки. Я застыла в дверях, глядя на это зрелище круглыми глазами. Мужчина был в одном белье.

Господи, никакой качок из тренажерки не сравнится с ним. Молодой бог. Бронзовая кожа, чеканный профиль, совершенное тело и младенец на руках.

«Бог» кинул на меня злобный взгляд и шепотом проговорил:

– Что же вы поднялись, мисс Ридли? Могли бы уже и не вставать! Хлоя плачет уже минут десять, и я честно ждал, пока вы наконец-то соизволите на это отреагировать!

– Простите… – Я с мольбой посмотрела на него в приступе раскаяния, потому что и правда было дико неудобно. – Просто я настолько устала за день, что не сразу проснулась.

Он никак это не прокомментировал, лишь, покачивая девочку, подошел к столику и, внимательно осмотрев его, спросил:

– А где смесь и термос с теплой водой? Я же сказал подготовить с вечера!

А я забыла… Мужчина бросил на меня недовольный взгляд и процедил:

– Ну, конечно, какие могут быть вопросы.

Перехватив Хлою поудобнее, он вышел из детской и направился вниз, на кухню. Мне оставалось только поспешить за образцово-показательным дядюшкой.

Уже внизу, когда он включил свет и стал перемещаться по кухне, доставая все нужное, я осмелилась подойти.

– Дайте мне малышку.

Он покосился на меня с сомнением, но все же передал девочку, которая радостно пискнула и вцепилась мне в волосы. Я страдальчески возвела глаза к потолку, в красках познавая суть выражения «чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало».

Смесь была ловко приготовлена буквально за пару минут, мне вручили бутылочку, в которую сообразительная Хлоя тут же вцепилась обеими ручонками и довольно зачмокала.

– Я вами недоволен, – сообщил очевидное Энтони и, развернувшись, неторопливо отправился обратно на второй этаж. Остановившись на верхнем пролете, он развернулся и вдруг заявил: – И на будущее – спите в пижаме!

Я недоуменно хлопнула ресницами, а после кинула взгляд на большое зеркало и покраснела. Шортики задрались по самое «не могу», прикрывая ягодицы лишь наполовину, а сквозь короткую маечку явственно просвечивались вершинки груди. Вашу ж маму…

Я смущенно потерла одну щиколотку о другую, а после пожала плечами и пробурчала:

– Подумаешь… Вы тоже не в смокинге!

Между прочим, да! Вид Энтони Хоупа в одном белье тот еще дезориентирующий фактор. Так что мы квиты, мистер Бука!

Именно в этот момент из-под обеденного стола вылезла сонно моргающая Пуся и сказала «гав!». А после поскребла лапой миску на полу, говоряще глядя на меня.

– У-у-у! – взвыла я и сообщила собаке: – Еда – утром! Я видела, как тебя кормил Диего, так что не нужно изображать умирающую от голода собаку!

Хлоя согласно угукнула и треснула меня по голове уже пустой бутылкой.

– Вредина, – сообщила я в улыбающуюся мордашку и вернулась в детскую. Пуся, цокая коготками, отправилась за мной, а я захлопнула дверь прямо перед пучеглазой мордой. Собаченция попыталась было страдальчески взвыть и поскрестись, но быстро потеряла к этому интерес и удалилась на свою лежанку.

Я же, немного покачав девочку, уложила ее в кроватку и выжидающе уставилась на совершенно бодрое и явно выспавшееся личико. Хлоя улыбалась и глазками делала «луп-луп» на манер кота из «Шрека».

– Спа-а-ать, – шепотом велела я, от души надеясь на то, что сытое маленькое чудовище сейчас снова уснет.

– Уау-у-у, – радостно выдала в ответ малышка и парой движений пухлых ножек сбила простыню, которой я пыталась ее укрыть.

– Четыре часа утра-а-а, – протянула я в ответ и погладила девочку по гладкой щечке. Она ухватила мой указательный палец и почти сразу потянула в рот. – Нет-нет, солнышко, чужие руки мы облизывать не будем. Где наша соска?

Через пять минут поисков соска обнаружилась в дальнем углу кроватки. За это время Хлоя окончательно передумала спать и сейчас с энтузиазмом трясла борт.

Я взяла разбойницу на руки и сунула в рот соску. Она выплюнула и радостно улыбнулась мне, от души демонстрируя пару зубов.

А после… после нам снова жизненно необходимо было сменить подгузник!

– Ну, теперь-то ты уснешь? – спросила я у чистой, переодетой малявки пять минут спустя, наворачивая круги по комнате.

Но Хлоя не хотела спать! Хлоя хотела ползать! А потом игрушки. А потом плакать! Через два часа я сидела с радостно улюлюкающей малышкой на полу и понимала, что ни за что на свете не заведу своих детей! Это же только один день! ОДИН день! Позади восемь месяцев такого ужаса и впереди еще плюс бесконечность, когда ребенок то смеется, то плачет и не желает оставлять взрослому немного личного пространства. И у тебя нет никакой, вот совершенно никакой возможности это изменить!

Уснула девочка неожиданно. Минуту назад целеустремленно ползла из одного конца комнаты в другой и затихла на полпути. Я на цыпочках подошла к ней, осторожно взяла на руки, но стоило попробовать переложить в кроватку, как Хлоя открыла глазки и захныкала.

– Ш-ш-ш-ш… – я прижала ее к себе и заходила по комнате, покачивая и напевая какой-то из рок-балладных хитов последних лет. Увы, колыбельных я не знала! Но девочке однозначно нравилось, потому что она вновь смежила ресницы и, уткнувшись носиком мне в грудь, уснула. Я для надежности подождала еще несколько минут и положила ее в люльку.

– Ура! – шепотом поделилась с небесами своей радостью и застыла, так как в двери напротив стоял Энтони Хоуп и внимательно смотрел на меня. После перевел взгляд на спящего ребенка и, подняв вверх большой палец, без слов скрылся в своей комнате.

* * *

Утро началось с вопля младенца, но на этот раз я прискакала в детскую первая и, когда в ней появился заспанный Энтони, уже достала малышку из кроватки. Он окинул нас осоловевшим взглядом, выдал: «Привычка» и вышел уже через

главную дверь, свернув в сторону ванной.

Я же отнесла девочку в свою спальню, переложила на кровать и честно попыталась одеться. Процесс осложнялся тем, что Хлоя почти сразу перевернулась и теперь ползала по постели, каждые полминуты делая попытку с нее свалиться. Я в очередной раз совершила ниндзя-бросок, ловя шуструю мелкую у самого края и одновременно натягивая на себя очередной шедевр дизайнерской мысли какого-то дико-лилового цвета.

Одевшись, я печально посмотрела в зеркало, которое отражало бредовую картинку «цыпочка и ребенок». Я – длинноногая, и это роскошество в данный момент не прикрывала мини-юбка платьица. Так, надо проверить, высохли ли вещи!

В ванной меня ждал облом. Некоторые гады, когда принимали утренний душ, и не подумали снять с веревки мои вещи, а потому они снова оказались сырыми!

Я подхватила на руки Хлою и решила идти на кухню, в чем была. Покормлю ее, а там видно будет.

Меня радушно поприветствовал Диего, который стоял у плиты и помешивал что-то в большой кастрюле.

– Доброе утро, мисс! О, смотрю, Хлоя не изменяет себе? Она всегда встает второй раз в одно и то же время. Ей завтрак тоже готов. А для вас и всех остальных я вот-вот закончу.

– Вы работаете здесь поваром? – удивилась я.

Диего засмеялся.

– Так уж вышло, мисс. То я, то Марко. Иногда и сам Тони кашеварит. Раньше готовила моя Консуэлла, но ее не стало и нам пришлось обходиться самим.

– А почему Энтони не наймет для этого отдельного человека? – мрачно осведомилась я, усаживая довольную девочку на стульчик и вручая ей погремушку.

– Так вроде мы и сами справляемся, – пожал плечами мексиканец и ловко положил в маленькую тарелку с бабочками детскую тыквенную кашу из небольшой кастрюльки. – А что же Хлоя, дала вам жару ночью? Видимо, перенервничала вчера из-за вашего приезда. Для нее новый человек тоже волнения, хоть и приятные.

А для меня уж какие…

На этом моменте мне передали тарелку, ложку и широким жестом указали на радостно гулившую Хлою. Угу, стало быть, кормить придется самой.

Но приступить к еде мы не успели. Возле дома посигналил автомобиль, а лицо Диего осветила радостная улыбка.

– О, Джессика приехала!

По веранде прогрохотали тяжелые ботинки, а после дверь открылась, и на пороге появилась молодая симпатичная женщина.

– Привет, Диего! – радостно воскликнула она и обнялась со старым мексиканцем. – А где Тони? Он вчера звал, и вот я здесь!

В этом «звал и здесь» было столько готовности срываться по первому слову Энтони, что я практически сразу поняла, что мы с этой девицей не подружимся. Окончательно этот вывод подтвердил сначала недоуменный, а после настороженный взгляд, которым она окинула меня с ног до головы. Особенно на ногах и задержавшись, угу.

– А это кто?

– Здравствуйте, – с нажимом проговорила я, намекая, что вежливость – наше все. – Я новая няня Хлои.

Девочка радостно агукнула и треснула погремушкой по столу.

– Вы? – со смешком ответила девушка, в этот раз пристально рассматривая мое платье. – Няня?

Точно не подружимся.

– А что, есть вопросы? – я надменно вздернула бровь.

– Вы не выглядите как… компетентная няня.

– За меня говорят мои рекомендации, – пафосно ответила я, не сомневаясь, что рекомендации как раз не то что говорят – дифирамбы поют!

Джессика только неопределенно повела плечами, а после разулась и с самым милым выражением лица двинулась к Хлое.

– Ах ты моя маленькая, моя хорошая, – она чмокнула девочку в щечку, а та дернулась в сторону, скривила мордашку и заплакала.

– Вы ей явно не нравитесь, – я констатировала этот факт крайне злорадным тоном.

Увы, реванш над неизвестной незнакомкой взять не получилось, потому как в кухне появился хозяин дома со словами:

– Или ей не нравится, что ее все еще не покормили. Занимайтесь своими прямыми обязанностями, мисс Ридли. И проследите за своей собакой. Его с утра едва не затоптал жеребец.

– Его? – уточнила я. – Вы о моей Пусе?

– Его! – с нажимом ответил работодатель. – Ваш кобель, мисс Ридли, пытается обосноваться в конюшне!

– Как кобель? – удивленно вскинула брови я, вспоминая внешний вид собаки: мелкая, дрожащая, с розовым бантом… Ее хозяйка что, совсем идиотка?

– По половым признакам, вот как! – зло рявкнул Тони. – Как можно было этого не заметить?

Я и сама уже поняла, что снова дала маху, но, увы, отмотать назад не получилось бы.

Джессика звонко рассмеялась и, взяв Энтони под руку, проворковала:

– Ну, ты же знаешь, эти городские девочки даже лошадь от коровы не отличат, так что не стоит требовать слишком многого, – голос звучал ласково, мило, словно она говорила об умственно отсталых. – И вообще, Тони, пойдем, покажешь мне Летару.

И они удалились. Джессика настолько откровенно висла на Энтони, что я сразу поняла: мне дают понять, что мужик занят.

Ну, не больно-то и хотелось!

Глава 4

Энтони Хоуп

Едва мы вышли на веранду, пришлось очень корректно и вежливо снять с себя руку Джессики.

Она тотчас едва заметно надула губы, но промолчала. Я же, наоборот, говорил, но про корову и будущий отел:

– Вот-вот должно начаться, но все никак. Диего переживает, как бы не было осложнений.

– Я посмотрю, – с готовностью отозвалась Джесс, преданно заглядывая в глаза, а я с грустью подумал о том, что мне пора начать делать ей более прозрачные намеки на то, что между нами ничего не может быть.

Пока она осматривала Летару, я придерживал корове задние ноги, чтобы не лягнула ненароком, а сам размышлял о том, что вокруг меня в последнее время

сложилась поразительно паскудная обстановка в плане женщин.

Их стало слишком много, и всем от меня что-то да нужно.

И если Хлое я мог простить любой каприз и ночную истерику, то нянька с внешностью Барби меня настораживала несвойственной ее натуре тягой к труду, а Джессика излишним вниманием уже ко мне.

Да, я не был слепым и прекрасно знал, что она влюблена в меня едва ли не с пеленок, но воспринимал ее исключительно как друга и боевого товарища, с которым в детстве играли в догонялки в кукурузном поле. Так уж случилось, что на несколько миль вокруг было всего несколько ферм, а детей и того меньше. Я и Джесс росли вместе, знали друг о друге фактически все, вот только эта самая мнимая близость не означала того, что нам пророчили все вокруг: мы прекрасная пара, рано или поздно поженимся.

Я разбил этот порочный круг, когда поступил по квоте в университет, а, вернувшись, обнаружил, что Джесс времени тоже зря не теряла и получила диплом ветеринара.

С годами ее внимание становилось все настырнее, и какую бы дистанцию я ни старался сохранять, мне казалось, она делает все, лишь бы стать еще ближе. Поэтому я и не хотел ей звонить, а всегда ограничивался нейтральными эсэмэсками. Положение отягощалось еще и тем, что в округе других ветеринаров не было.

– Разродится, – наконец вынесла вердикт девушка. – Только вряд ли сегодня. Я оставлю несколько препаратов, вколите, если будут проблемы. Ну, и ты знаешь мой номер, звони в случае осложнений.

Она улыбнулась мне так, будто ждала этих самых осложнений прямо сейчас, лишь бы задержаться подольше.

– Спасибо.

Мы вышли из коровника и направились обратно к дому. Стоило мне сделать пару шагов, как меня встретила картина маслом, от которой в груди яростно вскипела

кровь.

Все наемные работники, в составе пятерых мексиканцев, приметили новую няньку, которая как раз вырулила погулять с Хлоей в коляске, и беспардонно пялились на ее бесконечно длинные ноги, начинавшиеся из бесконечно коротких шорт.

– Фу! Какая пошлость, – скривилась Джесс, оглядывая мисс Ридли. – Прогнал бы ты отсюда эту девку. Чему она может научить ребенка, если выглядит как проститутка?

– Я сам разберусь, кого и откуда мне выгонять, – процедил я скорее из вредности, не желая признавать правоту собеседницы, хотя на самом деле это был тот самый случай, когда согласиться, наверное, стоило.

Выглядела Элеонора зашкаливающее вульгарно.

– Что столпились? – рявкнул я на Карлоса, Хуана и остальных. – Работы мало? Так я еще выдам!

Ребята мгновенно подобрались и как по команде разбрелись по своим рабочим местам. За ними с радостным лаем в поле улетел Пуся. Розовый бант он уже где-то потерял, насобирал на шерсть горсть колючек, но выглядел настолько счастливым, что я ему даже позавидовал. Мне бы иметь такой оптимизм по жизни.

– И куда, прошу прощения, вы собрались в таком виде? – я оглядел няньку с головы до ног, невольно залипнув на последних.

– Погулять с Хло, – она хлопнула глазами и, как по энциклопедии, заученно отчиталась: – Для правильного развития и здорового иммунитета ребенок нуждается как минимум в двух ежедневных прогулках. Утром и вечером.

Готов поклясться, что нечто подобное, слово в слово, я прочел в книге по уходу за детьми, которая валялась в комнате.

– А солнечный ожог на задницу получить не боитесь? – Я решил, что нечего церемониться, да и стесняться в выражениях тоже не стоит. Хло в коляске спит, остальные присутствующие давно уже взрослые.

Элеонора вздернула курносый носик, посмотрела вначале на меня, оскалилась и перевела взгляд на Джессику, хотя отвечала по-прежнему мне:

– Боюсь, конечно. Но уверена, в случае чего, вы поделитесь со мной заживляющим кремом!

Где-то рядом Джессика подавилась воздухом в легких, и, черт возьми, вопреки бушующему гневу внутри, мне это понравилось. И именно это «понравилось» разозлило еще сильнее.

– Вы слишком самонадеянны для няни на испытательном сроке, мисс Ридли. Но так и быть, если ваша задница пострадает, я даже попрошу Диего намазать ее. В его возрасте, вы можете быть точно уверены, приставать он к вам не станет.

Нянька насупилась и гордо, походкой от бедра, удалилась гулять под раскидистую тень небольших деревьев справа от дома.

– Ты ведь хотел нанять пожилую женщину, – вновь негодующе заговорила Джесс. – Так почему эта?

– Ее прислало агентство, – ответил, пожав плечами. – Посмотрим, что будет дальше.

Через час мне все же удалось спровадить Джессику восвояси, и оставшееся до обеда время я провел в конюшне. Пока рабочие занимались на полях сбором кукурузы, я менял солому в стойлах, насыпал корм в кормушки, наливал свежую воду.

Ровно в час дня я направился к дому: необходимо было убедиться, что с Хлоей все в хорошо, да и есть уже порядком хотелось.

* * *

Первое, что я увидел на кухне, это няню, задумчиво медитирующую над кастрюлей с кипящей водой. Городская фифа варила детские бутылочки и соски и вид при этом имела весьма самодовольный.

– Гхм… – откашлялся я. – А сейчас, боюсь спросить, вы чем занимаетесь?

От моего вопроса мисс Ридли вздрогнула, но тут же собралась и очень уверенно ответила:

– Стерилизую детскую посуду. В жизни маленького ребенка самое важное – это не нахватать лишних микробов или другой патогенной флоры.

Я скосил взгляд на племянницу, которая в этот самый момент, сидя на полу, очень старательно облизывала ножки от стола и собирала на язык ту самую патогенную флору.

– Вы опоздали со стерилизацией на пару месяцев. Лучше покормите ребенка, он уже почти обглодал мебель!

Мисс Ридли посмотрела на меня так уничтожающе, будто это не она косячит, а я. Вообще, я начинал поражаться ее удивительному таланту сохранять лицо в моменты, когда ее ловили на горячем.

С видом полной уверенности нянька едва ли не разнесла полкухни, просто разводя сыпучую кашу в теплой воде, и с не менее гордым видом она после кормила Хлою. Наблюдая за этим процессом, я невольно поймал себя на том, что смотрю не столько на действия девушки, сколько на ее грудь. Точнее за тем, как она постоянно подтягивает излишне глубокое декольте вверх, чтобы видно было меньше.

Зачем надела тогда?

К слову, гардероб у девицы был на редкость идиотским. Вчера она стирала очень даже приличные шмотки, они же до сих пор висели в ванной. Джинсы и майка. Вполне практичные для ношения каждый день.

Сейчас же на Элеоноре был наряд, подходящий больше для девочки гоу-гоу в ночном клубе.

– Все. А теперь пора спать! – заявила Элеонора, вытаскивая племянницу из стульчика и унося наверх в спальню, при этом самодовольно косясь в мою сторону. По всему выходило, она реально думает, что отлично справляется.

Тарелка с недоеденной кашей так и осталась засыхать на столешнице.

Дурдом какой-то.

Вымыв за ними посуду, я пару минут сомневался, стоит ли тоже идти следом и смотреть, как эта девица укладывает Хлою. Все же беспокойство за племянницу никуда не уходило.

Природная настороженность в итоге победила.

Как можно тише, стараясь не скрипеть половицами, я поднялся на второй этаж и прислушался к происходящему в детской:

– Однажды в очень далеком и злом королевстве жила одна одинокая принцесса Клара, и не было у нее никого. Ни папы, ни мамы. – Элеонора явно читала Хлое сказку, причем, судя по сюжету, не из сборника, лежащего на тумбе. И чем дальше я слушал, тем больше поражался метаморфозам, происходящим с историей о принцессе: – Однажды принцесса случайно увидела, как злой дракон Сойер выращивает на тайном поле, на границе королевства, забери-ум-траву и продает ее на черном рынке крестьянам. Не понравилось это принцессе Кларе… вспылила она и пошла к городскому стражу…

Я отошел от двери и спустился на первый этаж. Настолько странную сказку дослушивать желания не было, да и голос няни казался столь монотонно-скучным, что даже мне хотелось зевать.

Пожалуй, впервые со времени ее пребывания здесь я немного поверил, что все ее рекомендательные письма не подделка. И все же тьма других факторов заставила мою интуицию быть настороженной.

Я прошел в кабинет, где в основном хранились документы и книги с бухгалтерией по ферме, но интересовало меня сейчас не это. Открыв ящик стола, я извлек записную книжку, которую не доставал с выпускного. Как-то ни к чему было, да и желание в нее лезть отсутствовало. Сейчас же я пролистывал страницы с телефонами бывших одногруппников, решая, кому из этих богатеньких засранцев со связями лучше позвонить.

Номер Себастьяна Вильямса оказался заблокирован. Наверняка сменил за столько лет.

У Адама Брауна сработал автоответчик, чересчур бодро вещавший о том, что этот зануда улетел в свадебное путешествие.

С лютым скепсисом я смотрел на последний номер. Набирать его не хотелось, потому что отношения с Томасом Матисоном у нас никогда не складывались, а уж насколько они были далеки от дружбы, и представить сложно.

Меня бесило его потребительское отношение к жизни и женщинам в частности, он же никогда не понимал моего стремления работать на земле и бесился, всякий раз получая отказ после предложения пахать на него.

И все же я набрал эти цифры, долго слушал гудки, надеясь, что хоть немного адекватности с годами в Матисоне проснулось.

– Слушаю, – наконец раздался с той стороны знакомый голос.

Несколько долгих минут ушло на объяснения, кто я такой, прежде чем Томас узнал меня, а после неожиданно обрадовался, будто старому приятелю, хотя в университете мы очень недолюбливали друг друга. Видимо, время все же шлифует некоторые вещи.

– Так чем обязан? – спросил он спустя десять минут беседы ни о чем, из которой я узнал, что даже этот поганец умудрился жениться.

– Необходимо навести справки об одной женщине, но у меня нет нужных связей. Ты мог бы помочь?

– Так и знал, что ты звонишь не за тем, чтобы спросить о моих делах!

– Могу поинтересоваться ради приличия, – заметил я. – Но к чему эти слова? Я прямо заявляю, что мне нужна помощь.

С той стороны послышалось задумчивое хмыканье. Видимо, Матисон взвешивал, насколько он добр, чтобы помогать или хотя бы выслушать.

– Хорошо, – наконец произнес он. – В чем дело?

– Всего лишь хочу узнать, кто такая Элеонора Ридли, – тихо произнес я. – Эта девушка устроилась на ферму в качестве няни для ребенка.

– Оу, – оживился Томас. – Так тебя можно поздравить с отцовством? Мальчик? Девочка?

– Девочка, но не дочь, – поправил я, не желая вдаваться в подробности, что ее мать отказалась от ребенка едва ли не сразу после рождения. – Сейчас важнее узнать, что собой представляет эта женщина.

Я перечислил все настораживающие меня факторы, а заодно продиктовал номер страховки мутной няни. Так, на всякий случай, но Том записал.

– Есть у меня один немец. Возможно, он сумеет помочь.

– Что за немец? – не мог не спросить я.

– Частный детектив. Он уже не единожды спасал мою шкуру, услуги, конечно, недешевы, но я могу попросить его пробежаться по верхам биографии твоей дамочки, если что-то всплывет, он доложит.

– Хорошо. Спасибо.

Положив трубку, я сел в кресло и несколько минут задумчиво разглядывал визитку агентства по подбору домашнего персонала. Нужно, наверное, было позвонить им и все же попросить другого специалиста. Рука так и тянулась, но усилием заставил себя повременить.

Прошел еще только день обещанного срока.

* * *

Закрыв записную книжку, я убрал ее на место и, задумчиво посмотрев в окно, воспроизвел в памяти образ няньки.

Высокая, стройная, красивая, с длинными светлыми волосами и пронзительным взглядом. Бумажки, что она предоставила, буквально кричали – вот он, специалист твоей мечты! Молодая, энергичная, находчивая… Да, шмотки слишком вызывающие, но ведь и она, скорее всего, раньше не работала в местах, подобных нашему. И вроде все хорошо, да только что-то в ее облике диссонировало. Я чувствовал нестыковку, как будто в пазл подложили несколько чужеродных деталей, отчего полная картина никак не желала складываться.

Что-то с этой Элли было не так.

Даже если списать общую растерянность на попытку приспособиться к новому месту, все равно она заставляла быть настороже. Девица, безусловно, старалась соответствовать рекомендациям и нравилась Хлое, что было для меня немаловажно, но ошибки, допускаемые ею, были слишком очевидными, характерными именно для новичка.

Снова покосившись на стол, где лежала визитка с телефоном агентства, я сложил руки за спиной, сцепив их в замок. Не время. Позвоню им через пару дней и устрою взбучку, в красках рассказав пару моментов из жизни моей воспитанницы и ее новой няни. Пусть только попробуют не прислать кого-то более… более… А что более? Вряд ли у кого-то рекомендации будут лучше. Да и молодость няни это скорее плюс для такой проворной малышки, как моя Хло, только и успевай ее ловить, догонять и выхватывать из рук «каку».

А еще надо бы съездить в город и купить видеоняню. Раньше не нужно было, а вот теперь, с появлением в доме чужих, требовалось подстраховаться.

Покинув кабинет, я все-таки не удержался и снова пошел с проверкой. Обе представительницы женского пола мирно спали. Одна в люльке, вторая – та, что

постарше, – в кресле качалке. С книгой в руках. Той самой, которую я недавно изучил от корки до корки, желая узнать, как вести себя с младенцем.

Снова на душе заскребли кошки. Ну зачем опытной няне читать подобную литературу? Она ведь и так все должна знать. Осторожно приблизившись, я аккуратно забрал приоткрытую книгу из рук Элеоноры и прочитал заголовок статьи: «Как помочь развитию малыша до года». Дальше шли различные советы: варианты стихотворений, которые следовало заучить, пританцовывая с ребенком и указывая на части тела, подвижные игры, а также разные карточки – предположительно, сделанные самостоятельно – для пополнения словарного запаса малыша. Я читал все это, но совершенно не задумывался над пользой подобной ерунды. Хлоя росла здоровенькой и улыбчивой, и мне было все равно, умеет ли она хлопать и понимает ли, что нос – это нос. А вот няня, похоже, озадачилась.

Что ж, это только ей в плюс.

Отложив книгу в сторону, я снял с дивана легкое покрывало и накрыл спящую Барби, после чего тихо вышел.

Следующие пару часов прошли по стандартной схеме: я поел, проверил работу Хуана, посмотрел, как там наша будущая роженица в коровнике, и даже проследил взглядом за зевающей Элеонорой, вновь выкатившей из дома коляску с радостной и выспавшейся Хлоей. На няне были все те же шорты и майка, хотя уже сейчас был виден легкий загар – последствие утренней вылазки.

– Либо она очень бесстрашная, либо очень тупая, – проговорил тихо, наблюдая за удаляющейся парочкой.

– Ты слишком строг к Элли. – Диего возник за спиной из ниоткуда. – Хорошая ведь девушка, хотя и странная.

– Угу, – только и ответил я, поворачиваясь к старику. – А ты излишне добр.

Диего мягко улыбнулся и пожал плечами, после чего встрепенулся и, стукнув себя по лбу, проговорил:

– Я же искал тебя, чтобы сказать важную вещь, но отвлекся… Надвигается ливень с грозой. Через часок будет в нашей стороне. Да и ветер поднимается, хоть и не сильный, но подстраховаться следует. На всякий случай я сказал людям загнать скот в стойла и собраться у дома.

– Это правильно, нужно еще сказать Элеоноре, чтобы не уходила далеко.

– О, она говорила, что пройдется с малышкой до кукурузного поля и назад, не переживай, – улыбнулся Диего. – Я предупредил ее о непогоде, но не стал пугать возможным торнадо. Кто знает этих городских, как они реагируют на подобные заявления? Пусть лучше просто вернется и отсидится в безопасности, ничего не поняв.

– Наверное, ты прав, – кивнул я, направляясь к конюшне. – Закрою все и тоже подойду к дому.

– Я помогу, – Диего пошел рядом, и наша беседа плавно перешла на рабочие моменты. Когда же с неба упали первые капли дождя, я забеспокоился, вернулись ли Элеонора с Хлоей с прогулки.

Мы как раз выходили из-за хозяйственных построек, когда Диего вдруг замер, оборвав разговор на полуслове, и уставился вдаль, округлив глаза. У самого горизонта, где-то в эпицентре грозовых туч, на землю медленно сползала тонкая воронка вихря. К счастью, мелкого, шаткого и очень далекого от нас. При таком малом ветре нам ничего не грозило, но зрелище все равно было завораживающим.

– Не дойдет, – вполне спокойно заметил бывалый Диего. – Раньше рассеется.

Смахнув капли дождя с лица, я кивнул мексиканцу и в следующий миг вздрогнул от истерического вопля, а повернувшись на звук, обомлел. Со стороны кукурузного поля неслась няня!

Одной рукой она держала радостно визжащую Хлою, а второй волокла за собой коляску, которую по итогу бросила. Волосы няни развевались на ветру, словно флаг в День независимости, ее рот был открыт и перекошен, а глаза вот-вот грозили покинуть орбиты… Рядом мчался комок грязи с длинными ушами и розовым языком, вывалившимся наружу, истошно лая не хуже хозяйки.

– Спасайте ребенка! – кричала няня. – Спасайтесь все!!! Мы не должны вот так умереть!!! Пуся! Пуся-я-я!! Где бункер?! Где подвал?!

– Ваф, ваф! – на высокой ноте откликнулся пес, путающийся между ее длинными ногами.

– Не стойте!! – продолжала свою странную истерию няня. – Все в дом! Это ТОР-НА-ДО!!! Мать его!

– Что с ней? – шепнул Диего, не сводя обалдевшего взгляда и роняя челюсть на пыльную землю.

– Ролевая игра? – предположил я. – Она торнадо?

Мы переглянулись и пропустили момент, когда Элеонора пронеслась ураганом мимо шокированных наемных мексиканцев. У одного из них – Карлоса – прямо в руках тлела зажженная сигарета, но он, позабыв обо всем на свете, стоял, не в силах пошевелиться и произнести хоть слово. Особенно его поразила откинутая прямо на бегу босоножка. Он все смотрел, как та неуместно лежит на земле, и никак не мог вернуться в реальность.

– Все хорошо, Карлос, – неуверенно сообщил Диего, стоило нам подойти. – Сейчас Тони выяснит, что с девушкой.

Все пятеро мексиканцев одновременно перевели взгляд на меня. Пришлось ободряюще улыбнуться и кивнуть, мол, переживать нечего, хотя я был не на шутку взволнован душевным состоянием няни.

Мужики молча провожали меня сочувствующими взглядами, а стоило мне войти на веранду, скрывшись с их глаз, как Карлос задумчиво произнес:

– Как бы не унесло нашу ферму вместе с этой Элли и ее Тотошкой. Посмотрите, еще и туфельку потеряла… Сказочная девушка.

И все заржали, как кони.

Зло выдохнув, я рывком распахнул дом и ворвался внутрь, настроенный на очень серьезный разговор. Но снова обомлел.

С кухни доносился дикий грохот и, разумеется, именно там я нашел всю компанию, пробегавшую мимо пять минут назад…

Элеонора, выпучив глаза, металась по помещению и скидывала по пакетам кастрюльки, детские каши, питание и бутылки. Туда же зачем-то пошел с трудом втиснутый электрический чайник. Затем она увидела меня, подбежала и, вцепившись в воротник, прошипела:

– Ничего еще не кончено! Придите в себя и помогите мне!

Сказать, что я охренел, это ничего не сказать. Покосившись на Хлою, мирно играющую в своем стульчике, я тряхнул ногой, отгоняя пристраивавшегося к ней Пусю, и осторожно коснулся ледяных рук няни.

– Зачем вы складываете вещи по пакетам? – как можно спокойнее уточнил я.

– Чтобы переждать стихию! Надвигается торнадо! Я видела его вдали, но он вот-вот…

– Пройдет мимо, – помог я закончить начатую фразу. – К тому же он ведь слабый, чтобы причинить какой-то вред. Даже урожаю, не то что людям.

– То есть? – она смотрела на меня, все еще не до конца понимая, прошла ли беда стороной.

– Торнадо отменяется. То, что вы видели вдали, лишь мелкое подобие, не способное причинить вред, – терпеливо повторил я озвученную ранее мысль.

Она отпустила мой воротник, отступила на шаг, а потом и еще один. Села на пол, обхватила голову руками и вдруг расхохоталась.

И тут я понял, что Диего сглупил, решив не предупреждать городскую девушку, далекую от наших реалий, о приближающемся природном явлении. Чувствуя себя виноватым в ее состоянии, я присел рядом и попросил:

– Прекратите истерику. Я обещаю, ничего плохого не случится.

– Обещаете? – она подняла на меня совершенно остекленевшие глаза. – Все обещают… А потом… потом полное торнадо в жизни.

– Мне жаль… – я попытался помочь ей подняться, но она оттолкнула мою руку и поднялась сама, тут же покачнувшись и поморщившись.

– Черт, что-то в ноге.

Перевернув ступню, она безразлично посмотрела на небольшой порез – видимо, напоролась на камень, когда бежала босиком, спасая мою племянницу. Стыд сменило другое чувство, более странное и непонятное мне. Захотелось не просто успокоить девушку, но и как-то оправдаться, исправиться, что ли?

– Сейчас я обработаю рану, – проговорил, надвигаясь на няню и силой усаживая ее на стул. – А потом расскажу вам, какие виды торнадо бывают в наших местах и что делать при каждом из них.

Она лишь кивнула, опустив взгляд, тихо и обиженно сопя.

* * *

Я достал аптечку и приступил к обещанным экзекуциям. Приговаривая, что вот сейчас все пройдет и станет легче, продезинфицировал порез и заклеил пластырем, предварительно подув на ногу. Только потом, подняв голову и столкнувшись с полными удивления глазами, понял, что невольно отнесся к Элеоноре так же, как к своей племяннице. За восемь месяцев существования в моей жизни Хлои привык бухтеть под нос всякую ерунду, лишь бы она не плакала. Вот и здесь тот же инстинкт сработал.

– Готово, – проговорил, поднимаясь. Ухмыльнувшись, не смог промолчать: – Вы вели себя лучше Хлои, даже не хныкали.

– Ну спасибо! – фыркнула она, бросая взгляд на притихшую воспитанницу. Та задумчиво грызла одну из своих погремушек и с интересом наблюдала за нами.

– Что касается торнадо, – заговорил я снова, облокотившись на столешницу.

– Давайте перенесем беседу на завтра? – поспешно перебила меня няня. – Мне еще нужно накормить Хлою, помыть ее, переодеть…

Она явно чувствовала себя неловко из-за всего произошедшего, отводила взгляд и тут же натыкалась им на пакеты, заполненные всякой снедью и разбросанные по полу. Хотел было сказать, что все в порядке, но тут с улицы снова донесся мужской хохот. Элеонора вздрогнула, нахмурилась, посмотрела на меня зло и встала, заявив:

– Занимайтесь делами, мистер Хоуп. И простите за инцидент с… с… Там еще коляска где-то осталась.

– И ваши босоножки, – кивнул я. – Хорошо, поговорим завтра.

Покидая кухню, ловил себя на мысли, что чувство вины никуда не пропало. Девушка попала в неловкую ситуацию из-за нас с Диего, при этом, думая, что есть реальная угроза жизни, она спасала в первую очередь ребенка.

Не это ли то главное, что я хотел видеть в человеке, которому доверю Хлою?

Глава 5

Элеонора Ридли

Я едва сдерживала слезы обиды.

Надо же было так попасть. Снова. Ну что за невезение?!

Только вот стоило вспомнить ту огромную штуку вдалеке, крутящуюся волчком на фоне грома и молний, как я понимала: не смогла бы вести себя по-другому, даже если бы мне кто-то сказал, что она не опасна. Я бы просто не поверила.

Последний раз мне было так же страшно на заседании суда. Все время казалось, что закончится оно моей смертью…

Чувство стыда за поведение быстро сменила злость. Вспомнились смех мексиканцев и сочувствующее выражение лица Тони Хоупа. Он смотрел на меня как на какую-то недотепу, склонную к истерии. Гадство!

Быстро разобрав пакеты, я расставила по местам все, что собиралась захватить с собой в подвал, и как-то на автомате приготовила Хлое пюре из заранее сваренных овощей, как было написано в книге.

И только когда села кормить малышку, немного успокоилась и даже развеселилась. Невозможно было долго хмуриться, глядя на забавную чумазую мордашку воспитанницы.

По прошествии часа, искупав Хлою, я буквально упала в кресло-качалку и стала наблюдать за ее игрой с отрешенным видом. У меня болела спина, болели руки, болела нога с порезом… Хотелось просто лечь на кровать и забыться глубоким сном.

Но, увы, даже это скромное удовольствие было мне недоступно.

– Уау-у-у-у, – радостно выдала Хлоя, стоя возле стеночки и упираясь в нее ладошкой.

– Угу-у-у-у, – со вздохом передразнила ее я и грустно спросила: – Детка, ты спать не хочешь?

Судя по довольному выражению мордочки, не хотела. Хлоя сделала несколько шагов вперед, торжествующе улыбаясь, а после ножки разъехались, и она плюхнулась на попу, каким-то образом умудрившись стукнуться головой в полете. Громкий плач не заставил себя ждать, и я со вздохом отправилась утешать исследовательницу и первооткрывательницу.

Хлоя успокоилась весьма быстро, а вот я поняла, что носить ее почему-то стало тяжело. Голова кружилась, глаза болели, и вообще физическое состояние оценивалось как паршивое.

– Как матери справляются с малышами? – разглагольствовала я, устало глядя в любопытные детские глазенки. – Это же ужас. Никакого пространства, ничего для себя! В любой момент ты, моя прелесть, можешь упасть, подавиться чем-то или просто расстроиться, заявив об этом самым громким способом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/grey_stella/uspokoy-menya

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити